

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ

И.В. Ефимчук

Нижегородский государственный университет

Обосновано авторское определение собственности как социальной организации имущественных отношений. Принципы организации могут быть разными, но суть остается единой — ни одно общество не может существовать, не организовав (не упорядочив) имущественные отношения между своими субъектами. Социальную организацию имущественных отношений осуществляют две базовые сферы общественной жизни: экономика и политика, с преимущественным проявлением одной из сторон в зависимости от конкретных характеристик территориальной воспроизводственной системы.

Как справедливо отмечает Г.Ю. Ивлиева, «выявление существенных и устойчивых связей собственности — ее закономерностей, — требует всестороннего анализа данной категории и выработки целостного представления о ней» [1, с. 16]. «Целостное» и есть представление собственности как системы, обладающей набором инвариантных характеристик, означающих, что данная система не меняет своих свойств и остается собой при даже при достаточно масштабных изменениях среды. Тогда под собственностью должна пониматься сущностная, концентрированная, общая характеристика, которая объединяет любые институты и отношения собственности (иначе пропадет основание считать их институтами и отношениями именно собственности, а не чего-либо другого). То есть та самая «абстрактная и вечная идея», «стремиться дать определение которой», по К. Марксу, «значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию» [2, с. 168]. Представляется, великий ученый был не совсем прав, выражая такую категоричную мысль. В данном случае речь идет о соотношении общего и особенного в феномене «собственность». Наличие особенного, определяемого конкретными историческими или экономическими условиями, не перечеркивает общего, единого в разнообразном множестве подсистем; того, что и передается категорией «собственность».

Дать определение собственности, значит (в удачной терминологии В.А. Останина) отделить собственность как субстанцию от ее процессуальных (феноменальных) форм [3, с. 14–15]. Показательно, что, придерживаясь в целом политэкономического взгляда на проблему, сам В.А. Останин отмечает: «Собственность как субстанция не может быть сведена только к единству производительных сил и производственных отношений. Она есть целостность не только производственных отношений и производительных сил, но всей совокупности правовых, нравственных, религиозных и других атрибутов» [3, с. 24]. Такое широкое понимание собственности как социального (а не только производственного) феномена в настоящее время практически утвердилось в российском обществоведении (по крайней мере, серьезно потеснило традиционный политэкономический подход). С одной стороны, расширение горизонта анализа позволяет получить более полную, «объемную», голографическую картину. С другой стороны — осложняет исследование, поскольку автоматически ставит вопросы: насколько применимы традиционные политэкономические методы исследования собственности как производственного отношения, в каком направлении их необходимо трансформировать и нужно ли вообще что-то менять в подходах к изучению собственности?

Собственность пропитывает собой экономику, право, политику, религию, мораль, культуру; или, по другому, все сферы человеческой деятельности замыкаются на проблему собственности. Поэтому «... собственность выступает в качестве общесоциологической категории, интегрирующей в себе наиболее существенные черты и результаты взаимодействия целого ряда общественных наук, объектом для совместного изучения которых она и является» [4, с. 36]. Всепроникающий характер собственности приводит к тому, что ее вычленение из огромной массы социальных связей возможно только на уровне умозрительной научной абстракции. Даже методологический прием, согласно которому «разделение системы на элементы производится не там, где связи наиболее слабы, а в зависимости от постановки вопроса, т.е. по совершенно иным принципам, адекватным данной поставленной задаче» [5, с. 84], скорее всего, ограничен по своим возможностям (если рассматривать социум как систему, а собственность — как одну из ее базовых подсистем). С другой стороны, сами попытки выделения собственности из всей совокупности социальных институтов и переплетающих их взаимосвязей, нельзя считать абсолютно непродуктивными. Любые определения собственности, выявления ее сути в короткой и насыщенной дефиниции, в сущности и реализуют подобный прием.

Авторское понимание феномена собственности сводится к короткому определению: **собственность — это социальная организация имущественных отношений**. Принципы организации могут быть разными, зависящими от конкретных географических, демографических, исторических, экономических характеристик (которые снимаются понятием территориальной воспроизводственной системы). Но суть, несмотря на всевозможные различия, остается единой — ни одно общество не может существовать, не организовав (не упорядочив) имущественные отношения между своими субъектами. Тогда по-другому (акцентируя) можно сформулировать: **собственность — это социальная упорядоченность имущественных отношений**¹. Речь идет о принципах, на основе которых складываются взаимодействия людей (и личностей и коллективов) по поводу объектов собственности, причем взаимодействия объективные, порожденные закономерностями социальной жизни. Именно принципы социальных взаимодействий по поводу имущества определяются как устойчивые, возобновляющиеся связи (или закономерности), а их взаимосвязь и взаимозависимость (в которых также можно отследить определенные закономерности) и образуют конкретную институциональную организацию собственности.

Организирующее начало, определяющее институционализацию собственности, в нее вносят две наиболее значимые подсистемы социума: экономика (в узком смысле сводимая к производству, в широком — к общественному производству или хозяйствованию) и политика. Именно их соотношение и взаимодействие определяют аттракторы (организующие принципы, траектории движения) — закономерности, которым подчиняется складывающаяся в конкретных условиях система собственности. То, что и западной и российской наукой принято обозначать в качестве субъективного, волевого начала собственнических отношений, есть не право, а политика. Когда волевое начало обозначают как правовое, то, по сути,

¹ Н.Н. Моисеев писал, что понятия «энтропия» и «информация» описывают один и тот же физический процесс на разных языках [6, с. 210]. То же самое можно сказать про категории «порядок» и «хаос». Определить меру упорядоченности, организованности любой системы — значит одновременно определить, насколько она неорганизована, стохастична.

происходит подмена терминов¹. Право в определенном контексте может быть понято и как «право сильного», то есть как политический, а не юридический феномен. Право в данном случае — лишь знаковое оформление политической либо экономической воли: воли и силы (возможности) закреплять монопольную власть, а также воли и силы эту монопольную власть разрушать, совершенствуя производство и преодолевая абсолютную ограниченность ресурсов.

По мнению самого последовательного сторонника правовой трактовки феномена собственности в отечественной науке В.П. Шкредова, «самое абстрактное, отвлеченное от систематического рассмотрения производственных отношений юридическое определение собственности заключается в ее характеристике как наиболее полной, исключительной власти (монополии) тех или иных лиц над входящими в сферу проявления их воли вещами» [7, с. 254]. Однако исключительная власть (монополия) собственника возможна только по отношению к абсолютно редкому ресурсу, ограниченность которого на данном уровне технологического развития преодолеть невозможно. Если ограниченность преодолевается (за счет развития средств производства и роста производительности труда), то монополия собственника из абсолютной превращается в относительную, утрачивает власть над несобственниками. Экономическое развитие постоянно разрушает возникающую в социуме монопольную власть; власть индивида (частную собственность) точно так же, как и власть общества (государственную собственность) — в зависимости от конкретных условий. Тогда право (юриспруденция) может присутствовать в любой общественно-экономической формации только как момент, как вторичная, но ни в коем случае не базовая характеристика собственности. Оно только фиксирует знаковое оформление тех реальных отношений собственности, которые складываются на основе экономической и политической организации общества, изменяется с изменением экономической и политической организации и заново отрицается дальнейшими изменениями.

Если трактовать собственность как социальную организацию имущественных отношений, то на первый план выступает именно статичная, «упорядочивающая» природа отношений по поводу имущества (самых разнообразных благ, природного и искусственного происхождения, материального и нематериального характера). Собственность в любом обществе и в любую эпоху — это именно правила, нормативы, «берега», в которые человек пытается заключить бурную реку имущественных взаимоотношений, чтобы она не размывала социум. Эти правила и нормы могут быть оформлены законодательно, и государство в лице правоохранительной, налоговой, судебной, пенитенциарной и прочих своих подсистем будет бдительно стоять на страже соблюдения закона. Именно к такому варианту организации отношений собственности привыкло современное общество. Нормы могут поддерживаться традицией и обычным правом, при этом соблюдаться они будут едва ли не жестче и полнее, поскольку входят в кровь и плоть человека, формируя стереотипы поведения, не требующие принуждения. Но все сказанное отнюдь не свидетельствует о справедливости юридической трактовки собственности. Социальные нормативы (в том числе и обычное и государственное право) — это искусственное укрепление естественных берегов; и только в том случае, если социум «закрепляет» естественно возникшее русло, которое сформировано жиз-

¹ Произошедшую в науке подмену понятий, скорее всего, можно объяснить особенностью сначала средиземноморской античности (Римское право), а затем Западной Европы, в которых политика (как и экономика) была в значительной степени регламентирована правовыми нормами, осуществлялась и развивалась в их рамках.

недеятельностью человека, нормы являются работающими, востребованными жизнью. Имущественные «потoki» складываются по определенным правилам до того, как человек это осознает и закрепляет в социальных нормах. Вполне возможно, что эти процессы развиваются параллельно, и осмысление правил идет одновременно с их формированием. Тогда мы имеем дело с извечным парадоксом о «курице и яйце». В данном случае это не самое главное. Важно, что исключен третий вариант — нормативы не создаются на пустом месте, до того, как различные варианты поведения не опробует жизнь, одни закрепив, а другие отсеяв. Наглядно приоритет поведенческих стереотипов над их оформлением демонстрирует теневой, нелегальный мир. Формально лежащий за пределами социальных норм, криминал в большем или меньшем объеме присутствует в любом социуме и непосредственно замкнут на проблемы собственности. При этом криминальный сектор организован не менее, если не более жестко, чем законопослушная часть социума, но по своим правилам, в том числе и определяющим имущественные отношения как внутри преступного сообщества, так и по отношению к внешнему миру.

Политика и экономика формируют собственные правила организации имущественных отношений, которые могут совпадать, а могут не совпадать (в зависимости от конкретных условий, в которых функционирует социум). Эти правила формируются в единстве объективного и субъективного начал (с преимущественным проявлением одного из них: объективного в экономике и субъективного, волевого в политике). Поскольку две эти сферы могут вести относительно самостоятельное существование, их можно развести и говорить о власти экономической и власти политической. Однако в качестве исторических precedентов не редки ситуации, когда власть (политика) подминает под себя экономику и наоборот (что отнюдь не всегда означает их полное сращивание). В каждой конкретной ситуации речь идет о приоритете одного из начал. Господствующая сфера жизнедеятельности человека корректируется второй, комплементарной по отношению к ней: политика корректируется экономикой, экономика — политикой.

Какая из сфер деятельности человека будет доминировать на каждом конкретном пространственно-временном интервале, зависит от характера территориальной воспроизводственной системы¹. В закрытых системах превалирует политика, ориентированная на поддержание стабильности социума и его хозяйства как основы выживания «целого» (в том числе всего населения, и богатых, и бедных). В закрытых системах собственность — это игра «с нулевой суммой». Чтобы умножить богатство одних, надо разорить других, в полном соответствии с понятием оптимума Парето. Когда процесс концентрации частной собственности переходит «критическую» черту, социум разрушается в результате катастрофических социальных потрясений. Назначение политической власти в закрытой системе — препятствовать катастрофическому развитию событий настолько, насколько власть в принципе способна препятствовать процессу чрезмерной концентрации частной собственности (или хотя бы тормозить его).

В открытых территориальных воспроизводственных системах экономика доминирует над политикой, а частная собственность — над государственной. Открытые системы не требуют детальной регламентации и жестких ограничений. Рост частной собственности длительное время осуществляется без угрозы разрушения собственности, за счет использования вещества и энергии среды. Частная

¹ Понятия закрытых и открытых территориальных воспроизводственных систем рассмотрены автором в [8].

инициатива не только не опасна, наоборот, полезна для социума в целом, поскольку способствует общему увеличению его богатства. Инициативное меньшинство получает простор для самореализации за счет освоения среды, и чем богаче, разнообразнее социальная и природная среда, тем ярче в самой системе выражены рыночные отношения в экономике и демократия в политике.

Индустриальное хозяйство могло обеспечивать приоритет частной собственности до тех пор, пока имело в своем распоряжении среду (и природную, и социальную), которую можно было осваивать без ущерба для собственной целостности. Проблемой современного мира является постепенное исчерпание потенциала развития индустриального хозяйства, и превращение его из открытой системы, активно осваивающей среду, в систему закрытую. Последняя вынуждена либо преодолеть очередную (теперь уже в буквальном смысле глобальную) кривую производственных возможностей, либо приспособиться к существованию в условиях жестких ресурсных ограничений. До тех пор, пока наука не сумеет преодолеть возникшее ограничение, объективно будет нарастать тенденция к концентрации частной собственности и в государственном, и в планетарном масштабах. Что также объективно требует формирования контртенденции — создания политических и экономических механизмов, препятствующих чрезмерной концентрации собственности в руках меньшинства и маргинализации большинства населения, способных привести к катастрофическому социальному взрыву.

Литература

1. Ивлева Г.Ю. Основные закономерности развития и трансформации собственности: Автореф. дис. д.э.н. — М., 2001.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 4. — М.: Политиздат, 1986.
3. Останин В.А. Собственность: сущность, противоречия, формы их разрешения. — Владивосток: Изд-во ДГУ, 1992.
4. Хаустов Ю.И., Канапухин П.А., Клинова С.П., Просяников В.Н. Собственность и экономические интересы. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000.
5. Малиновский А.А. Основные понятия и определения теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1979 г. — М.: Наука, 1980.
6. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. — М.: Языки русской культуры, 2000.
7. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. — М.: Изд-во МГУ, 1973.
8. Ефимчук И.В. Тупики и перспективы социальной эволюции // Философия хозяйства. 2003. № 1.